

Приближался праздник Дуанью, стояло самое голодное время межсезонья, и в деревне каждая семья жила, затянув пояса.

У въезда в деревню Тяньцзя медленно въехала повозка, накрытая синим полотном, запряжённая мулом. Рядом с повозкой шла сваха с цветком в волосах, а позади следовала группа из пяти-шести крепких мужчин, нёсших на плечах доверху нагруженные корзины с зерном. Во главе шёл мужчина, несший половину свиной туши.

Тут же виднелось немало больших алых подносов, накрытых крышками с наклеенными иероглифами "счастье" — и не разберёшь, что внутри, но одного взгляда хватало, чтобы понять: размах редкий.

Мужчины и женщины, работавшие в поле, увидев это, побросали мотыги и сбежались посмотреть на зрелище.

«Сваха Цянь, к какому же зажиточному дому ты нынче сватовство ведёшь?»

И правда: обычно, пока сведёшь людей, язык сотрёшь до пузырей, а когда наконец обе стороны сходятся, всё срывается из-за выкупа — и все старания впустую.

Но это дело было совсем другим — решённое наверняка. Просто лежи да получай свои пять лянов серебра.

«Это сватовство для брата Хэ Бяня из семьи плотника Тянь из вашей деревни Тяньцзя. Жених — учёный-сюцай из деревни Сяхэ».

Слова свахи повергли всех в изумление — люди переглядывались, решив было, что ослышались. Но, увидев, как она самодовольно продолжает:

«Стоит мне, свахе Цянь, взяться — какое бы трудное сватовство ни было, я всё улажу...»

Она ещё долго расписывала собственные заслуги, намекая, чтобы впредь, если понадобится сватовство, обращались именно к ней.

Однако деревенским было не до её речей — от потрясения у них перехватило дыхание. Неужели и правда Хэ Бянь?

А что это за человек — Хэ Бянь?

Этот парень, будь то ветер или дождь, будни или праздники, всё время работает вне дома.

Даже наёмные работники у помещиков не бывают такими послушными и трудолюбивыми, как он. С раннего утра, опустив голову, он выходит в поле, ступая по росе; а к ночи возвращается, согнувшись от усталости, весь пропитанный потом.

Возвращаясь домой, он никогда не приходил с пустыми руками: то нёс на плечах вязанку дров, больше его самого, то приносил собранные травы — хоу-сянцао или подорожник, которые можно было продать, а то и просто нарубал корм для свиней.

Разговаривать он не любил, но, встречая людей, неизменно натягивал неловкую, скованную улыбку.

В детстве казался настоящей красавицей-заготовкой, но с возрастом становился всё непривлекательнее.

Ему было всего пятнадцать-шестнадцать — возраст, когда кожа должна быть нежной, как будто из неё можно выжать воду, — а у него руки уже потемневшие и грубые, шея длинная, плечи худые, словно без мяса. И хотя глаза у него были большие, чёрные и блестящие, сам он выглядел робким и хилым — с первого взгляда видно: судьба у него небогатая на счастье.

И вот такой человек — и вдруг обручён с сюцаем.

Выходит, они его недооценивали.

«Этот Хэ Бянь... какими же способами он сумел окрутить учёного, что тот даже согласился на помолвку?»

«Вот именно! С виду такой честный да простоватый, а в душе, выходит, хитрый — тайком мужчин завлекает. А мой-то до сих пор в грязи возится».

«Надо же, Хэ Бянь! А я думала, это его младший брат Тянь Ваньсин. Тот беленький, как нежный тофу, красавец хоть куда. Неужели у того сюцая глаза нет, что он Хэ Бяня берёт?»

«Интересно, что на это скажет Чжан Мэйлин? Отдать приёмного сына, Хэ Бяня, за такого хорошего жениха — родной-то сын разве не будет против?»

Люди всё гадали и судачили без конца, не понимая, какая же удача свалилась на Хэ Бяня, что ему выпало выйти замуж за учёного.

Эта поразительная новость разлетелась мгновенно. Когда сваха Цянь со своей свитой добралась до дома семьи Тянь, двор уже был битком набит любопытными односельчанами, а на белых стенах под чёрной черепицей расселись щебечущие дети.

Мать сюцая, сидевшая в повозке, с удовлетворением смотрела на сына — ему и подобало появляться с таким размахом и при таком внимании. Но стоило ей представить, как вскоре какие-нибудь бесстыжие парни и девицы будут, краснея, пожирать его взглядами... она невольно сжала ладонь, подавляя поднимающееся отвращение.

Проведя рукой по краю его одежды, мать сюцая едва сдержала слёзы и начала тихо причитать:

«Твой отец рано ушёл... вот бы ему увидеть, как ты женишься...»

«Матушка, не тревожься. Я никогда не забуду твоей заботы и воспитания. Этот деревенский парень, Хэ Бянь, груб и неотёсан. Когда он войдёт в наш дом, тебе придётся потрудиться, чтобы как следует его обучить и приструнить».

Успокоившись, она позволила сыну слезть из повозки.

Синяя занавесь откинулась — и наружу вышел молодой человек в синевато-белом учёном одеянии. На ногах — белоснежные сапоги, на поясе — подвешенная нефритовая подвеска, в руке — расписной веер. Лицо его было правильным и благородным, манеры — сдержанными и исполненными достоинства. Он даже с лёгкой улыбкой поприветствовал сельчан, без тени высокомерия.

Женщины, пришедшие поглазеть, украдкой бросали взгляды на своих мужей — рядом с таким юношей те казались не иначе как согнутыми, побитыми жизнью овощами против стройного белого нефрита.

Парни в деревне тоже покраснели, глядя на него: сючай и впрямь был красив и статен. Да с каким же лицом Хэ Бянь осмелился выйти за него замуж? Ни стыда, ни совести.

Сказать грубо — Хэ Бянь был для всей деревни как собака: стоит кому-то проявить к нему малейшую доброту, и он тут же отвечает преданностью без меры.

Парни и девушки в деревне позеленели от зависти. Под взглядами толпы процессия с сюцаем вошла во двор.

В главной комнате их угостили чаем. Внутри сидели лишь приглашённые родственники приёмной матери Чжан Мэйлин, сопровождавшие гостей. Сваха Цянь окинула взглядом — Хэ Бяня нигде не было видно.

Она с улыбкой поддразнила:

«А где же Хэ Бянь? Неужели засмутился и не осмеливается выйти к людям?»

Чжан Мэйлин ответила:

«Он на кухне, готовит. Этот ребёнок совсем не слушает уговоров — не может сидеть без дела, глаза не терпят праздности».

В день помолвки, чтобы сама "невеста" стояла у плиты — такого сваха ещё не видела. Она невольно пробормотала про себя пару слов, но, вспомнив, что за этот визит получит целых пять лянов, тут же расплылась в улыбке:

«Сестрица Мэйлинь, вашему Хэ Бяню и вправду повезло. За нашим сюцаем очередь из желающих выстроилась — от деревни Сяхэ до самого уездного города. Он ведь не из простых крестьян, семья у них зажиточная, предки — чиновники, родом из Цзяннани, поколениями служили при дворе. Чжан-сючай сейчас всего двадцать, а когда возвращается в родную деревню, его силуэт в белом учёном одеянии — сколько сердец юношей и девушек заставляет биться чаще! А уж о том, что он и талантлив, и добродетелен, и честен — и говорить нечего. Вся ваша семья благодаря Хэ Бяню будет жить в достатке».

Выслушав это, Чжан Мэйлинь в душе ликовала, но вслух сказала:

«Наш Хэ Бянь с детства смыслённый и рассудительный, трудолюбивый и умелый. С его характером — куда ни выйдет замуж, везде будет хорош. В доме всё устроит как следует, внутри и снаружи».

Матери сюцая такие слова не понравились. Она приподняла бровь и холодно произнесла:

«Даже не говоря о том, что мой сын статен и благороден, одного лишь звания сюцая достаточно, чтобы простые люди ему завидовали. Он освобождён от повинностей и налогов, перед уездным чиновником может не становиться на колени. Вперёд — может продолжить учёбу и стать государственным служащим, прославить род и изменить его судьбу; назад — может открыть частную школу и больше не знать тяжёлой доли, когда из поколения в поколение пахут землю. Он уже одной ногой в сословии учёных».

Она скользнула взглядом, не скрывая высокомерия:

«Если ваш Хэ Бянь выйдет за моего сына — это всё равно что изменить судьбу, данную небом. Его потомки больше не будут крестьянами. А выйди он за простолюдина — ещё неизвестно,

выживут ли вообще его дети».

Чжан Мэйлинь не была из тех, кто терпит упрёки. Она ответила:

«Этот брак — вы сами добивались его для моего Хэ Бяня. У него благоприятная судьба по знакам рождения: кто бы его ни взял, тому обеспечены и успех в службе, и достаток. Если говорить по правде, это вашему сыну повезло — получить такого счастливого человека в дом».

Услышав такой напор, сваха Цянь лишь подумала: приёмная мать яростно защищает своего "детёныша". Но говорить так — не боится ли она, что Хэ Бяню потом будет трудно в доме мужа?

Сваха поспешно улыбнулась и попыталась сгладить напряжение. Впрочем, она и сама знала: семья сюцай действительно верит в судьбу — при выборе смотрят только на совместимость по знакам рождения, а не на происхождение и внешность. Иначе этот брак Хэ Бяню ни за что бы не достался.

Решив, что сказано уже достаточно, сваха попросила Чжан Мэйлинь позвать Хэ Бяня, чтобы тот вышел к гостям.

Чжан Мэйлинь только собралась подняться, как сюцай Чжан Цимин первым встал со своего места, чем вызвал шутки — мол, не терпится ему поскорее увидеть своего суженого.

Чжан Цимин лишь улыбнулся в ответ и ничего не сказал. Через боковую дверь главной комнаты он направился в боковое помещение. Едва он собирался переступить порог, как кто-то внезапно крепко обнял его.

Тело в его руках было мягким и тёплым, от него шёл лёгкий аромат, а на щеках ещё блестели слёзы. Этот плач так растрогал Чжан Цимина, что у него сразу смягчилось сердце.

Но двери в это помещение были распахнуты настежь с обеих сторон. Испугавшись, Чжан Цимин поспешно отстранил человека и тихо произнёс:

«Ваньсин, здесь неудобно».

Тянь Ваньсин потянул его за собой — через заднюю дверь боковой комнаты — в свою собственную.

В тот миг, когда он захлопывал дверь и задвигал засов, ему показалось, будто он увидел пару глаз, полных лютой ненависти — словно дух мстителя, пришедший за жизнью. Это на мгновение заставило его вздрогнуть.

Но думать было некогда.

Его прижали к стене, и в тот момент, когда их тела соприкоснулись, они вспыхнули, словно сухие дрова в огне — будто готовы сгореть дотла, лишь бы вместе уничтожить всю свою боль и обиду.

А за дверью те глаза, искажённые ненавистью, постепенно успокоились. Взгляд стал пустым, растерянным.

Он... переродился.

В прошлой жизни, после помолвки с сюцаем Чжаном, он был полон тревоги и неуверенности,

считая себя недостойным.

Но Чжан-сюцай говорил ему, что он хорош, что в мире не найти второго такого — трудолюбивого, бережливого, покорного и надёжного.

Обещал дать ему собственный дом, отдельную комнату, избавить от жизни на чужом пороге.

Слушая это, Хэ Бянь радовался всем сердцем и невольно начинал мечтать о будущем.

Однако Тянь Ваньсин всё время плакал и устраивал сцены, его недовольство и обиды становились всё сильнее. После долгих колебаний Хэ Бянь сказал приёмной матери, что не хочет выходить замуж — хочет лишь взять зятя в дом, чтобы тот жил у них и помогал заботиться о приёмных родителях в старости.

Но его уступка не спасла ту привязанность к семье, на которую он так надеялся.

Однажды в горах за деревней он случайно увидел, как Тянь Ваньсин и Чжан-сюцай тайно видятся.

Это было вопиюще против всех норм и приличий. Но кроме стыда и страха, желания унести это с собой в могилу, он вдруг почувствовал облегчение — словно тяжесть, давившая на него все эти дни, наконец спала.

И тут он услышал, как Тянь Ваньсин с самодовольством говорит:

«Он глуп до крайности. Этот маленький нищий ещё смеет мечтать о семье и родственной любви. Мои родители лишь притворяются добрыми, чтобы он работал как следует. Мы взяли его к себе с детства только ради того, чтобы иметь верного слугу — которого не прогнать и не сломить».

«Ещё и вздумал зятя в дом взять! Да какое у него право приводить мужчину в нашу семью и делить наше хозяйство? Пусть лучше всю жизнь останется один, работает на родителей и провожает их в последний путь».

Услышав это, Хэ Бянь словно поразило громом.

Он не верил. Он должен был вернуться и спросить родителей.

Но, уходя, он остутился и упал.

Те двое, забывшие обо всём на свете, тут же испугались и пришли в смятение. В спешке Чжан-сюцай накинул одежду и стал торопливо уговаривать его, обещая, что всё равно женится на нём — пока он будет рядом, Тянь Ваньсин навсегда останется лишь вторым.

Эти слова окончательно вывели Тянь Ваньсина из себя. Испуг сменился яростью — и, не раздумывая, он, воспользовавшись моментом, ударил Хэ Бяня камнем по голове.

В конце концов его тело сбросили с обрыва.

Там, внизу, его труп гнил, становясь добычей змей, насекомых и птиц. Смерть не принесла ему покоя — душа, полная обиды, не рассеялась.

Он не мог поверить, что родители способны так с ним поступить. Пусть даже любви к нему было немного — но ведь они растили его восемь или девять лет. Все те тихие разговоры,

улыбки, забота — разве можно было притворяться столько времени? Пусть день, пусть два — но годы? Как могли они позволить ему лежать брошенным, не предав земле?

Наверняка Тянь Ваньсин, испугавшись, что всё раскроется, солгал о его смерти и замаял дело.

Когда его душа вернулась в дом, там уже висели высоко алые фонари, повсюду тянулись красные ленты. Тянь Ваньсин в свадебном наряде выглядел нежным и ослепительно красивым. Приёмная мать держала его за руку, глаза её были полны слёз, и она сунула ему с собой более десятка лянов личных сбережений.

Она ещё и наставляла его, чтобы тот сдерживал свой нрав, а заодно с сожалением заметила, что зря они забили Хэ Бяня до смерти — растили почти десять лет, только-только он вошёл в возраст, когда можно было работать, и вот так погиб.

Услышав это, Хэ Бянь будто умер во второй раз — его душа словно раскололась надвое.

До семи лет его перепродавали из дома в дом. Не выдержав издевательств, он хотел броситься в реку, но добросердечные супруги Чжан остановили его.

Они держали его окровавленную руку, плакали от жалости, покупали ему сладости, одевали в новую одежду. Они даже взяли его за руку и сказали маленькому Тянь Ваньсину:

«Это твой старший брат, отныне ты должен его беречь и любить».

Тогда ему казалось, будто само небо сжалилось над ним, увидев, как он несчастен, и послало ему добрых людей.

В душе он тайно поклялся непременно отплатить этой чете — стараться быть послушным, разумным сыном, заботливым старшим братом для младшего.

Он схватился за это, как утопающий за соломинку, но на деле лишь угодил в новую ловушку, порабощающую и тело, и душу.

Он был глуп и не понимал этого. Отчаянно жаждал семьи, изо всех сил старался ради людей из семьи Тянь, мечтал о собственном доме. Как голодный нищий, он был готов со слезами благодарности принять любой поданный ему кусок хлеба — тем более если этот "благодетель" был сюцаем.

В прошлой жизни, во время помолвки, он одновременно чувствовал и стыд, и радость, и надежду, и тревогу — и с воодушевлением хлопотал на кухне, готовя угощение.

О Чжан-сюцае у него почти не осталось воспоминаний: при первом знакомстве он даже не взглянул на него как следует, не запомнил его лица. Но он отчётливо помнил сказанные слова — обещание подарить ему тёплый, уютный дом.

Мимолётные, брошенные вскользь слова мужчины потрясли его до глубины души — и он, не раздумывая, с нетерпением согласился.

А вся та "теплота", о которой он мечтал эти короткие годы своей жизни, оказалась лишь змеями, насекомыми и крысами, медленно пожиравшими его плоть и кровь.

Вся его жизнь — лишь кладбище, где одно за другим хоронились его надежды.

В этой жизни его родные родители продали его, затем он переходил из рук в руки, надеясь

хотя бы на сытость и тепло — но не получал ни того, ни другого. Он привык терпеть всё, что с ним делали, но того, что должно было прийти само — так и не дождался ни разу.

С него хватит.

«Цимин-гэ, не женись на Хэ Бяне... ты же говорил, что женишься на мне...»

Сквозь тонкие стоны и обиженные всхлипы из комнаты эти слова вырвали Хэ Бяня из мыслей.

Он сжал кулаки.

В прошлой жизни он думал, что случайно застал их за этим в горах. Кто бы мог подумать, что уже во время помолвки они тайком были вместе у него за спиной.

Раньше он видел, как они переглядываются, обмениваются взглядами — и по наивности радовался, считая это братской привязанностью.

Все они просто играли с ним, как с дураком.

Он смотрел на плотно закрытую дверь. В этой жизни он больше не будет маленьким нищим, который везде покорно старается заслужить чужие улыбки и похвалу.

И больше не позволит никому себя обижать.

<http://bllate.org/book/17226/1612411>